

Девицкая Елена Николаевна

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ ЦВЕТОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ: КОНЦЕПТ "КОРИЧНЕВЫЙ ЦВЕТ"

В статье проводится анализ лексем, вербализующих концепты сложных цветов в текстах русских и немецких народных сказок. Выделена группа лексем, представляющих концепт "коричневый". Составлены концептограммы всех колоративов, последовательно проанализированы их лексические связи, функциональная сфера, частотность. Выявлены признаки репертуарной и количественной асимметрии в реализации концепта в русских и немецких сказках, подтверждающие их этнокультурное своеобразие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 60-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'27

Филологические науки

В статье проводится анализ лексем, вербализующих концепты сложных цветов в текстах русских и немецких народных сказок. Выделена группа лексем, представляющих концепт «коричневый». Составлены концептограммы всех колоративов, последовательно проанализированы их лексические связи, функциональная сфера, частотность. Выявлены признаки репертуарной и количественной асимметрии в реализации концепта в русских и немецких сказках, подтверждающие их этнокультурное своеобразие.

Ключевые слова и фразы: этнолингвистика; фольклор; концепт; сказка; цвет; символика.

Девицкая Елена Николаевна

Кубанский государственный университет (филиал) в г. Славянске-на-Кубани
etnolabs@pi@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ ЦВЕТОВ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ: КОНЦЕПТ «КОРИЧНЕВЫЙ ЦВЕТ»[©]

Обилие цветов и их оттенков в естественной природе и в опосредованной человеческой жизнедеятельностью сфере сделало необходимым появление в языке дополнительных, сложных колоративов. Один и тот же цвет может приобретать различную символическую нагрузку в текстах разных жанров, в том числе в фольклорных. В качестве фактического материала исследования взяты тексты сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки», записанные в Архангельской и Олонецкой губерниях на рубеже XIX и XX столетий, а также тексты сборника «Kinder- und Hausmärchen» братьев Вильгельма и Якоба Гримм (первая половина XIX века). Объектом исследования являются лексемы с цветовым значением, вербализующие концепты сложных цветов (на примере концепта «коричневый»). Предполагается выявить этнокультурную специфику реализации концепта в сказочных текстах двух этносов.

Фактический языковой материал обработан по методике контрастивного анализа. Эта методика, разработанная курскими учеными, предполагает поэтапное составление алфавитных и частотных словарей, конкордансов всех цветовых лексем. Результаты их выражаются в виде концептограммы для каждого отдельного колоратива [2, с. 10-11].

Обратимся к группе сложных колоративов, реализующих концепт «коричневый». В русском языке для обозначения коричневого цвета первоначально существовала группа лексем: *гнедой, карий, смаглый, бурый* и некоторые другие [4]. Роль основного колоратива долгое время играла лексема *бурый*. Современная лексема *коричневый* появилась в XVII веке в первоначальной форме *коричный* и использовалась лишь для описания цвета одежды и тканей. Полноправным цветообозначением лексема *коричневый* становится на рубеже XIX-XX вв. и вытесняет с ведущих позиций слово *бурый*. Лексема *бурый* на определенном этапе развития языка приобрела негативную эмоционально-экспрессивную оценку: некрасивый, темновато-грязноватый цвет. А. П. Василевич видит в этом возможную причину сокращения её сочетаемости [Там же].

В исследуемых текстах русских сказок группа цветообозначений коричневого представлена лексемами *бурый 3* и *Бурьке 3*. *Бурьке* — это звательная форма существительного *бурка* «лошадь бурой масти». В словаре В. Даля находим определение: «бурка или бурко — конь бурой масти, иногда кличка бурой собаки» [5, с. 144]. В Архангельском областном словаре представлен вариант клички — *Бурко*: «животное бурой масти, кличка такого животного» [1, с. 180]. Так как концепт вербализуется лексемами с ограниченной сочетаемостью и низкой частотой словоупотребления, следует считать его концептом сложного цвета.

бурый 3 S: конь 2, корова 1
Бурка 3 = Карька вещая соловка Is: статья 3 (о коне)

В данных концептограммах прослеживаются лексические связи колоративов только с названиями домашних животных — *конь, корова*. Существительное *Бурка* представляет собой «колоративный зооним». Эта кличка лошади употребляется в паре с лексемой *Карька*, также указывающей на оттенок коричневого. В тексте сказки это ласковое обращение героя к своему верному коню: «*Карьке, бурьке, вещей соловке, стань передо мной, как лис перед травой*» [7, кн. 1, с. 184]. Дальнейшие примеры уточняют описание цветовой окраски животных: *на бурого коня сел и едва из виду угонил, а царь-девица нагонила* [Там же, с. 23]; *...видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы* [Там же, кн. 2, с. 295].

Лексема *бурый*, реализующая концепт «коричневый цвет», выполняет в русских народных сказках Н. Е. Ончукова функцию основного цветообозначения в данной группе. Негативной эмоционально-экспрессивной оценки в использовании этой лексемы не обнаружено. Напротив колоратив становится кличкой животного на эмоционально положительном фоне.

Цвет животных в русской народной сказке описывается такими сложными колоративами, как *пегий* 7, *пегина* 1. Эти лексемы представляют собой колоративы «размытой» цветовой семантики.

пегий (сорокопегий) 7 S: кожа (кобылы) 1, кобыла 6
пегина 1 = кобыла P: свой 1

Колоративы *пегий* и *пегина* описывают светлые пятна на темной шерсти животного, подчеркивают его неоднородную пеструю окраску: «Да это наша кобыла, с которой я кожу-то содрал, у ней кожа выросла другая, **пегая**» [Там же, кн. 1, с. 42]. Лексема *пегий* часто заменяется в тексте сказки сложносоставным прилагательным *сорокопегий*: *Царь смотрит на сорокопегую кобылу с сорока жеребятами* [7, с. 104]; в Словаре русских народных говоров прилагательное *сорокопегий* дается с пометой *фольклорное*: 'пегий о лошади' [8, с. 28].

Лексемы *пегий* и *пегина* со связанной семантикой описывают оттенок, средний между белым, серым и коричневым цветами. Таким образом, к концепту «коричневый цвет» в текстах русских народных сказок можем отнести такие лексемы, как *бурый*, *Бурка*, *Карька*, *пегий* и *пегина*.

В немецкой народной сказке концепт «коричневый цвет» представлен одной лексемой *braun* «коричневый». Современная немецкая лексема *braun* восходит к основному индоевропейскому корню *bher* [3, с. 12]. Толковый словарь К. Дудена в статье лексемы *braun* приводит в качестве основного значения толкование: 1) *von der Farbe feuchter Erde* «цвета сырой земли» [9, S. 280].

braun 4 «коричневый» A: <i>böse</i> «злой» 1, <i>gar</i> «готовый» 1 S: <i>Flecken</i> «пятна» 1, <i>Getränke</i> «напитки» 1 Vo: <i>anstreichen</i> «окрашивать» 1, <i>werden</i> «становиться» 1

В текстах немецких народных сказок лексема *braun* не имеет прямых лексических связей с названиями животных. Существительные, описываемые цветообозначением *braun*, обозначают бытовые понятия — *Flecken* «пятна», *Getränke* «напитки». Выявлены также лексические связи колоратива с глаголами *anstreichen* «окрашивать» и *werden* «становиться». Коричневый цвет в этом случае не свойствен предмету от природы, а приобретает им.

Следует выделить эпитетосочетание *braue böse Getränke* «коричневые злые напитки»: *Die Tochter warnte die beiden vorsichtig zu sein, nichts zu essen und nichts zu trinken, denn die Alte braue böse Getränke hat* «Дочь предупредила обоих быть осторожными, ничего не есть и не пить, так как у старухи были коричневые злые напитки» [10, S. 145]. Речь идет о зелье колдуньи, которым она могла опохмелить путников. Для передачи такого же смысла в русской сказке используется лексема *зелье* с колоративным значением зеленого цвета. В немецкой сказке эту функцию выполняет коричневый цвет.

В следующем контекстном примере лексема *braun* косвенно относится к наименованию птицы — *die Hühner* «куры», но речь идет не об оперении курицы, а о цвете готового жареного мяса: *Die Hühner fingen an braun und gar zu werden* «Куры начали подрумяниваться (*дословно*: становиться коричневыми) и доходить до готовности» [Ibidem, S. 386]. Непрямое указание на цвет животного находим в эпитетосочетании *braun anstreichen* «окрашивать коричневым цветом»: «... (*Gevatter*) soll uns ein Kalb aus Holz machen und **braun anstreichen** (кум) должен сделать нам из дерева теленка и окрасить его коричневым цветом» [Ibidem, S. 335]. Изделие из дерева, изображающее животное, фактически можно считать артефактом. Однако связь коричневого цвета с окраской животного здесь прослеживается отчетливо.

Единственный пример использования лексемы *braun* «коричневый» в описании животного находим в сказке «*Katze und Maus in Gesellschaft*» («Кошка и мышка вдвоем»): *sie (Katze) hat ein Söhnchen zur Welt gebracht, weiß mit braunen Flecken* «она (кошка) родила сыночка, беленького с коричневыми пятнами» [Ibidem, S. 33].

Следует отметить, что лексема *braun* — единственное цветообозначение в группе коричневого цвета. Речь идет не только о текстах немецких народных сказок братьев Гримм. По данным немецко-русских словарей, прилагательному *braun* в русском языке соответствуют все возможные колоративы коричневого цвета в зависимости от описываемого объекта: *коричневый, бурый, смуглый, карий, каштановый*... [6, с. 285]. Таким образом, цветообозначение *braun* охватывает все сферы использования коричневого цвета, для которых в русском языке исторически сформировался целый ряд слов. Однако в немецких народных сказках сборника братьев Гримм коричневый цвет свойствен только артефактам и косвенно употребляется в описании kota, в русской сказке — исключительно в описании животных. Явно проступают признаки репертуарной и количественной асимметрии в вербализации исследуемого концепта.

Список литературы

1. **Архангельский областной словарь** (АОС) / под ред. О. Г. Герцовой. М.: Изд-во Моск. университета, 1982. Вып. 2. 216 с.
2. **Бобунов А. М.** Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 23 с.
3. **Василевич А. П.** Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 9-28.

4. **Василевич А. П., Мищенко С. С.** Коричневый или коричный [Электронный ресурс] // Энергия: электронный журнал. М., 2006. № 7. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=124687#1> (дата обращения: 17.06.2013).
5. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 1. 800 с.
6. **Москальская О. И.** Большой немецко-русский словарь: в 3-х т. / под общ. рук. О. И. Москальской. М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. Т. 1. 760 с.
7. **Ончуков Н. Е.** Северные сказки: полн. собр. рус. сказок: в 2-х кн. СПб: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. 480 с.; Кн. 2. 356 с.
8. **Словарь русских народных говоров (СРНГ).** Ленинград: Наука, 2006. Вып. 40. 347 с.
9. **Duden K.** Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion, völlig neu bearbeitet und erw. Aufl. 3. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2002. 1816 S.
10. **Grimm W. und J.** Die Kinder- und Hausmärchen. Wener Klemke – Berlin: Kinderbuchverlag, 1963. 456 S.

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF COMPLEX COLOURS VERBALIZATION IN RUSSIAN AND GERMAN FABULOUS FOLKLORE: CONCEPT –BROWN COLOUR”

Devitskaya Elena Nikolaevna

*Kuban' State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban'
etnolabsmpi@mail.ru*

The author analyzes the lexemes that verbalize the concepts of complex colours in the texts of the Russian and German folk tales, determines the group of lexemes that represent the concept –brown”, creates the conceptograms of all colouratives, consistently analyzes their lexical connections, functional sphere, frequency, and reveals the signs of repertoire and quantitative asymmetry in the implementation of the concept in the Russian and German fairy tales, confirming their ethnocultural identity.

Key words and phrases: ethnolinguistics; folklore; concept; fairy tale; colour; symbolism.

УДК 882

Филологические науки

В статье анализируются дзэнские миниатюры в поэзии И. А. Файнфельда, в которых автор обращается к основанию сознания, что предполагает освобождение от всякой обусловленности. По мнению автора статьи, миниатюра как поэтическая форма, в которую органично вписывается парадокс, наиболее полно позволяет выразить суть дзэнского переживания, а именно единство человека и природы и цельность восприятия Единого.

Ключевые слова и фразы: дзэн-буддизм; миниатюра; двойственность сознания; просветление.

Дмитриева Елена Викторовна

*Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема
evdmitrieva2013@yandex.ru*

ДЗЭНСКИЕ МИНИАТЮРЫ В ПОЭЗИИ И. А. ФАЙНФЕЛЬДА[©]

В данной работе мы попытаемся проанализировать некоторые дзэнские миниатюры в поэзии И. А. Файнфельда, члена Союза писателей России. К дзэн-буддизму автор обращается не только в поэзии, но и в своих научных статьях, публицистике [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Напомним, что основное значение понятия «дзэн» (кит. «чань», санскритское «дхьяна») есть «глубокое сосредоточение», «сосерцание». Дзэн основывается на доктрине «анатман», то есть фундаментальном отрицании самосущности «Я», и учит, что нет никакого «Я». Последнее – всего лишь идея, понятие. Все, что мы называем своим «Я», лежит в пределах нашей телесности, а все, что снаружи, – остальным миром. С точки зрения буддизма, просветление, испытанное Буддой и другими адептами, подтверждает, что за признаками явлений не существует ничего. Таким образом, суть и цель дзэн заключается в том, чтобы освободить ум, стать пустым умом, т.е. отбросить все свои мысли. Если это удастся, то ученик испытывает настоящую пустоту. «Когда вы испытаете настоящую пустоту, то вы достигнете своей правильной ситуации, своего положения и своих правильных мнений», – указывает современный мастер дзэн Сеонг Сан [Цит. по: 5, с. 205]. Дзэн-буддизм – это образ жизни и взглядов на жизнь, – отмечает А. Уотс [7], – это образец того, что в Индии и Китае называют «путь освобождения».

Иначе говоря, познать Путь Будды, с точки зрения дзэн, – значит познать себя, а познать себя – в конечном счете значит забыть себя. Что происходит, когда мы забываем себя? Что остается, когда «Я» перестает быть? Остается весь чувственный мир. Разница лишь в том, что нет больше разделения между нами и этим миром. Этот радикальный взгляд затрагивает саму сущность нашего бытия, меняет образ наших действий, реакций, понимания мира и самих себя. Тот опыт, который дзэн называет «просветлением» (сатори), означает полное слияние со всеми вещами, поскольку стирает границу между «Я» и «не-Я». Есть только единая реальность. «Сатори – сущность дзэна и без него дзэн не дзэн. Не постигнув сатори, никто не может постичь